

ніе, настроеніе, даваемое литургіей въ храмѣ, не будетъ выражаться внѣ храма, то и молитва, и вѣра будутъ бесплодными, т. е. не будетъ ни вѣры, ни молитвы».

«Въ рядѣ храмовыхъ обрядныхъ дѣйствій ярко выражено это исконное и естественное стремленіе молящихся расширяться за предѣлы храма, перевести молитвы въ дѣйствіе: стѣны храма служатъ, можно сказать, поясомъ, связующимъ всѣхъ присутствующихъ, а ходы церковные имѣютъ смыслъ объединенія въ жизненномъ пути и въ общемъ дѣлѣ».

Согласно чрезвычайно простой формулировкѣ Н. Ф. «воскресеніе тѣлесное есть дѣло Божіе, совершаемое при участіи всѣхъ людей, дѣло, къ которому люди безучастными оставаться не могутъ, а потому и должно быть совершено при участіи всѣхъ людей. «Ибо, какъ смерть черезъ человѣка, такъ черезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ» (Посл. къ Кор. ХУ, 21).

Въ первые вѣка христіанства широкимъ церковнымъ сознаниемъ еще отчетливо ощущалась эта связь между человѣческой дѣятельностью и имѣющей начаться «жизнью будущаго вѣка». Федоровъ упоминаетъ въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ Кожевникову, что еще въ IV вѣкѣ время наступленія воскресенія ставилось

нечувствіе значенія и разрушительной силы грѣха, отрицаніе силы и дѣйствія Голгофы. Редакція).

въ зависимость отъ жизни христіанъ. «На нихъ (юношахъ, удаляющихся отъ церковныхъ собраній) — говоритъ св. Кирилль Александрійскій, — падаетъ вина въ томъ, что пришествіе Царства Небеснаго будетъ отодвинуто на неопредѣленное время и будутъ обмануты надежды миллионовъ людей, денно и ночью молящихся о томъ, чтобы разверзлись могилы и чтобы живые вкусили блаженство Царства Небеснаго».

Итакъ, надлежащая организація церковныхъ собраній должна была какъ-то придвинуть и опредѣлить время разверзанія могиль.

Въ тѣ времена, полагаетъ Н. Ф. конечно, никто не нашель бы ничего удивительнаго въ приглашеніи къ «внѣхрамовой литургіи», т. е. къ тому, чтобы и «внѣ храма быть тѣмъ же, чѣмъ должно быть внутри храма», — совершенно отрѣшиться «отъ всякой суеты, отъ всякой юридико - экономической суеты», поясняетъ Федоровъ и добавляетъ: «Если третья заповѣдь требуетъ, чтобы имя Божіе не было употреблено **всуе**, то это не значитъ, чтобы эта заповѣдь ограничивала употребленіе Имени Божія, какъ это понимало еврейство: нѣтъ, она требуетъ, чтобы не было **суеты**. Впрочемъ, это опредѣленіе внѣхрамовой литургіи есть только отрицательное: суету нужно замѣнить великимъ дѣломъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

О смертной казни. ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗГОВОРА. (Продолженіе).

В. Иными словами, вы вносите измѣненіе въ VI заповѣдь, категорически и безусловно повелѣвающую намъ «не убій». Съ

вашей поправкой эта заповѣдь должна была бы читаться такъ: «не убій по злобѣ или для своей выгоды», съ вытекаю-

щимъ изъ этого текста логическимъ добавленіемъ, что убить для **общаго блага** не возбраняется. Вотъ если бы такая редакція существовала, вы были бы совершенно правы, при условіи, конечно, неоспоримаго знанія, каково, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это «общее благо». Но вѣдь такой редакціи нѣтъ; весь же подлинный смыслъ VI заповѣди, утвержденной Христомъ, и заключается въ ея категоричности. Почему такъ — это должно же быть ясно сознаваемо нами, если мы съ вами говоримъ, какъ христіане. Да потому, что своевольно отнимая жизнь у другого, человѣкъ или общество, не только лишаетъ его **условнаго блага** земной жизни, но и пресѣкаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ данную ему Провидѣніемъ возможность достиженія и блага **безусловнаго**. Вѣдь для христіанина его земная жизнь есть лишь средство, есть предначертанный Провидѣніемъ, въ Имъ Однимъ положенныхъ предѣлахъ, путь къ иной блаженной и вѣчной жизни за гробомъ; ради какого же общаго или не общаго земнаго, условнаго блага можетъ кто-либо своевольно у него это средство отнять? Ясно, что такой эквивалентъ невозможенъ, а потому и всякое своевольное отнятіе жизни, будь то убійство, будь то смертная казнь, хотя бы съ самымъ прекраснымъ намѣреніемъ, недопустимы христіанскимъ сознаниемъ.

Вѣдь казня смертью убійцу и тѣмъ лишая его вмѣстѣ съ жизнью возможности покаянія и исправленія, вы какъ бы предваряете рѣшеніе Единого, компетентнаго тутъ Всевышняго Судьи, а потому, кромѣ подлости и жестокости, свершаете еще и **нечестіе**. Отнять жизнь мы были бы въ правѣ лишь тогда, когда совершенъ непрощаемый, смертный грѣхъ, не могущій быть искупленнымъ дальнѣйшей жизнью преступника. Тогда, дѣйствительно, жизнь его потеряла бы свою подлинную **внут-**

ренную самоцѣнность, и мы были бы въ правѣ обратить ее во **внѣшнее средство** и какой-либо иной, посторонней ей, благой цѣли, скажемъ, хотъ для устрашенія казнью, какъ то принято думать, другихъ потенциальныхъ убійць. Но кто же, кромѣ Всевѣдущаго, можетъ этотъ вопросъ разрѣшить и такой приговоръ произнести?

А. Пусть такъ, соглашаюсь, что сознательное своевольное отнятіе жизни ни подъ какимъ видомъ не допускается христіанской совѣстью. Но вѣдь состояніе невозмущенной христіанской совѣсти есть удѣлъ совершеннаго христіанства, т. е. того идеала, до котораго намъ еще далеко. И въ должномъ стремленіи къ нему, не можемъ же мы забывать и тѣхъбезспорныхъ очередныхъ задачъ, разрѣшать которыя, а не отмахиваться отъ нихъ, мы обязаны, ибо разрѣшеніе это и есть путь, медленный и извилистый, но необходимый для достиженія того же идеала. Для общества такой безспорной задачей является огражденіе жизни всѣхъ его членовъ отъ преступнаго на нее покушенія нѣкоторыхъ. Огражденіе же это достигается, по крайнему нашему разумѣнію, лишь путемъ **устрашеній** черезъ смертную казнь. Такъ согласитесь же, что намѣреніе, руководящее смертною казнью, достойное и рѣзко отличающееся отъ корысти и злобы того убійцы, котораго общество казнить, а если такъ, то нельзя же равнять въ моральной оцѣнкѣ смертную казнь и убійство.

В. Долженъ напомнить вамъ то, въ чемъ мы только что согласились, а именно что христіанское сознание не можетъ добросовѣстно допустить своевольнаго отнятія жизни, и что, стало быть, такое добросовѣстное допущеніе равносильно отрицанію христіанства. Я совершенно съ вами согласенъ, что не надлежитъ отмахиваться отъ очередныхъ задачъ на пути къ до-

стиженію идеала, но это не значить, что для этого разрѣшенія надо отмахнуться и отъ самого идеала. Да это и невозможно, а потому и нецѣлесообразно, ибо всегда и во всемъ, стремленіе къ достиженію «очередного», какъ вы его называете, условнаго блага, путемъ отступленія отъ пути ко благу безусловному, неминуемо приводитъ къ отрицанію и этого условнаго блага, а потому оно, какъ критерій для положительной оцѣнки такого компромисснаго отступленія, не годится. Критерій же тутъ одинъ: «Не убій», и онъ одинаково осуждаетъ и смертную казнь, и убійство.

А. Да, но осуждая и то, и другое, онъ все же не мѣшаетъ намъ различать и разнo оцѣнивать убійство — преступленіе, совершенное изъ корысти и злобы, и убійство — наказаніе, свершенное по справедливому негодованію и съ благой цѣлью.

В. Вы говорите, что смертная казнь есть удовлетвореніе справедливаго негодованія на убійцу. Но вѣдь вы согласились, что негодованіе тутъ, и справедливѣйшее, должно вызываться своевольнымъ отнятіемъ жизни у другого, какъ тягчайшимъ грѣхомъ; такъ неужели же справедливое негодованіе ваше удовлетворится, если вы тутъ же сами свершите то самое, на что негодуете? Воля ваша, но несообразность здѣсь явная и вопіющая, и надо какъ-нибудь ее объяснить. А приходится объяснить ее только тѣмъ, что вы, въ сущности, не самымъ своевольнымъ отнятіемъ жизни, какъ таковымъ, возмущены, ибо тогда вы бы сами тотчасъ же его не свершали, а возмущены чѣмъ-то другимъ. Чѣмъ же именно? Да тѣмъ, что вы видите въ этомъ убійствѣ угрозу и для себя самого. Угроза же эта вамъ причиняетъ сильнѣйшее безпокойство, т. е. **страданіе**, за каковое необходимо **отмстить** угрожающему и тѣмъ

себя успокоить и на настоящее, и, путемъ устрашенія, — на будущее. Стало быть, дѣйствуете вы тутъ подѣ влияніемъ **страсти мщенія**, той самой, о которой я говорилъ въ началѣ нашей бесѣды.

Такъ что же, если убійца убиваетъ для удовлетворенія какой-либо **своей** страсти, то это — **плохо**, если же вы убиваете для удовлетворенія **вашей** страсти, то это **хорошо**? Согласитесь, что это разсужденіе — готтентотское, а отнюдь не христіанское, и что, стало быть, опираться на него христіанскому обществу не годится.

Далѣе, вы утверждаете, что смертная казнь преслѣдуетъ благоую цѣль **устрашенія**, предотвращающаго другія убійства. Но вы и тутъ ошибаетесь. Вѣдь убійство въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершается: 1) либо въ приступѣ страстной злобы и ненависти; 2) либо въ не менѣе страстной погонѣ за чѣмъ-нибудь, для достиженія чего убиваемый служитъ препятствіемъ; 3) либо, наконецъ, когда убійство, съ его **проблематической** отвѣтственностью, является гарантіей отъ тяжелой отвѣтственности **несомнѣнной** (напримѣръ: убійство свидѣтеля какого-либо иного тяжкаго преступленія). Въ первыхъ двухъ случаяхъ, тотъ приступъ страсти, который понуждаетъ человѣка къ страшному акту убійства, очевидно, затмеваетъ и всякое соображеніе объ отвѣтственности, ибо всякая крайняя страсть дѣлаетъ человѣка безумнымъ; въ третьемъ же случаѣ, и въ условіяхъ свершаемаго преступленія выборъ отвѣтственности проблематической всегда обезпеченъ.

Скажу болѣе, смертная казнь не только не предотвращаетъ убійствъ, но ихъ, такъ сказать, культивируетъ. Вѣдь человѣкъ удерживается отъ убійства прежде всякаго страха внѣшней отвѣтственности, страхомъ отвѣтственности внутренней, ужасомъ передъ свершеніемъ этого предѣльнаго беззаконія. И чѣмъ сильнѣе и ярче

внутреннее убѣжденіе въ его недопустимости, тѣмъ труднѣе переступить черезъ него. Такъ, утверждаемая обществомъ смертная казнь, какъ принципіальное допущеніе своевольнаго лишенія жизни другого, не ослабляетъ ли и не затмеваетъ ли естественное убѣжденіе челоука въ его недопустимости и не способствуетъ ли тѣмъ самымъ убійствамъ? Конечно, способствуетъ, и тому есть безчисленные доказательства. Поэтому будетъ не парадоксомъ, а истиною, противоположною вашему утвержденію, если мы скажемъ, что чѣмъ больше смертныхъ казней, тѣмъ больше и убійствъ.

Да къ тому же смертная казнь вовсе и не есть наказаніе, какъ вы ее опредѣляете. Вѣдь наказаніе по существу своему всегда имѣетъ цѣлью своей самого наказуемаго, т. е. его исправленіе, на что въ русскомъ языкѣ указываетъ и само это слово, имѣющее еще значеніе «наставлять, направлять». Какъ же смертная казнь исправляетъ, когда самъ объектъ его устраняется?

Впрочемъ, не только смертная казнь, но и всѣ существующія «наказанія» на томъ же основаніи, хотя и не въ такой степени, не заслуживаютъ этого названія. Смертная казнь лишь наиболѣе яркое и категорическое его отрицаніе.

А. Ну, тутъ ни я, да и никто, съ вами спорить не будетъ, что лучше всего было бы исправлять преступника, и что существующая система наказаній для этого со-

вершенно не годится. Но легко сказать «исправлять», укажите лучше, какъ это сдѣлать.

В. Сказать вамъ, какъ это сдѣлать, разумѣется, очень трудно, да и выходитъ за предѣлы темы нашего разговора; но если какъ вы говорите, никто со мной спорить не будетъ, то необходимо вѣдь — и это совсѣмъ не трудно — хотя ясно формулировать и поставить себѣ это заданіе. Вѣдь безъ этого исходнаго акта не обойтись. Однако, это заданіе не ставится и не формулируется, ибо общественное сознаніе теперь, какъ и прежде, упорно продолжаетъ считать и называть свое мщеніе, будь то смертная казнь, будь то тюрьма или каторга, наказаніемъ. Поставить же себѣ это заданіе — значитъ, прежде всего, отвергнуть смертную казнь, какъ чистѣйшее его отрицаніе.

Пока же она не отвергнута, пока приходится слышать отъ огромнаго большинства не отрицаніе ея, а глубокомысленныя и спокойныя разсужденія, лишь о сравнительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ висѣлицы, разстрѣла, гильотины и электрическаго стула, и это зачастую отъ добрѣйшихъ людей, неспособныхъ, можетъ быть, раздавить и муху, но и не способныхъ или не желающихъ отдать себѣ отчетъ въ чудовищности и безуміи такихъ своихъ разсужденій, нельзя, разумѣется, и приступить къ осуществленію заданія.

Е. Драшусовъ.

Совѣтская жизнь.

Приводя матеріалы относительно Совѣтской Россіи, «Вѣстникъ» прежде ограничивался преимущественно сообщеніемъ матеріаловъ, иллюстрирующихъ религіозную жизнь Сов. Россіи или жизнь совѣтской молодежи.

Сейчасъ «Вѣстникъ» расширяетъ границы своихъ информаций. Онъ будетъ касаться всѣхъ областей и сторонъ жизни въ Совѣтской Россіи.

Отмѣчая всѣ неувязки и безсмыслицы, порожденныя «коммунистическимъ строи-